

*О других приключениях
Дмитрия Блинкова,
лучшего сыщика
из всех восьмиклассников,
читайте в серии:*

1. Блин и секрет разбитых стёкол

2. Блин – секретный агент

Продолжение следует...

Евгений Чекрасов

БЛИН – СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ

#эксмодетство

Москва
2019

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Дизайн серии *Владимира Щербакова*
Оформление переплета *Юрия Щербакова*
Иллюстрация на переплете *Виктории Тимофеевой*

Некрасов, Евгений Львович.

Н48 Блин — секретный агент / Евгений Некрасов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 224 с. — (Чёрный котёнок).

ISBN 978-5-04-091924-6

С вами когда-нибудь бывало такое — идёте в гости, а попадаете в логово преступников? С Дмитрием Блинковым по прозвищу Блин и его лучшей подругой Иркой однажды случилась именно такая история. К счастью, лучший сыщик из всех восьмиклассников никому не даст застать себя врасплох. Но, только вычислив настоящего преступника, Блин понял, насколько опасная игра предстоит ему в этот раз...

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091924-6 © Е. Некрасов, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

ССЫЛКА ВОСЬМИКЛАССНИКОВ

Некотрые сперва заведут детей, а потом начинают думать, куда их девать.

Папа Блинкова-младшего при всем желании не мог посвятить себя единственному сыну. Он из своей последней экспедиции вернулся в таком виде, что его только и приняли в институт Склифосовского. В Венесуэле, над бескрайней южноамериканской сельвой, сломался вертолет, в котором летел старший Блинков. Вместе с пилотом и пассажирами он хлюпнулся, к счастью, в болото. Все остались живы, правда, папа отшиб себе что-то в животе и второй раз за нынешнее лето сломал ногу. Такая уж опасная была у него профессия — ботаник.

Так, про папу мы все выяснили, маму оставим на потом. Какие еще родственники могут быть у человека?

Керченский дедушка Блинкова-младшего тоже лег в больницу. С ним ничего особенного не случилось. Просто летом больницы пустуют: все больные

Блин — секретный агент

выздоровливают и едут на садовые участки выращивать помидоры. А дедушка круглый год жил в сельском доме. Ему опротивело выращивать помидоры. Он сказал, что ляжет на обследование, чтобы государственная больница не пустовала, а уж от чего лечить — врачи найдут.

Московская бабушка Елизавета Михайловна привыкла жить одна со своей собакой Графкой. Она боялась, что ей навяжут Блинкова-младшего, капризничала и говорила, что за ней самой присматривать нужно. Надо сказать, что и Блинкову-младшему совершенно не улыбалось жить в ее душевной квартире, пропахшей Графкой. Однажды ночью он хлебнул по ошибке водички из стакана с бабушкиными вставными зубами, и это воспоминание леденило его душу.

Наконец, мама. Она добилась большого успеха на своей службе в контрразведке: вышла на след целой группы террористов. По этой причине ей срочно понадобилось вылететь в одну горную республику. Раньше она иногда брала сына в такие командировки, особенно на юг, но теперь сказала, что это не тот случай.

«Не тот случай» был у мамы деликатным синонимом «не твоего ума дела», а «не твое дело», в свою очередь, означало «служебную тайну», поэтому задавать ей дополнительные вопросы бесполезно.

— Ничего, сдам тебя дяде Ване. Ты у него, конечно, грязью зарастешь, но человеческий облик потерять не успеешь, — решила мама и, не откладывая в долгий ящик, стала звонить по телефону.

Дядя Ваня Блинкову-младшему никакой не дядя, а полковник налоговой полиции Кузин. Его никто не называл дядей Ваней. Мама с очень давних пор, когда они вместе служили в контрразведке и были лейтенантами, звала его Ванечкой, папа — Иваном, Блинков-младший — Иваном Сергеевичем. Но когда родители говорили о нем с Блинковым-младшим, они считали необходимым перевести «Ивана Сергеевича» в «дядю Ваню». Для недоразвитых. Словно опасались, что единственный сын может подумать, будто они говорят о Тургеневе.

— Занято, — сказала мама, несколько раз набрав номер. — Пойду собираться, а ты пока сбегай к ним, позови дядю Ваню или хотя бы скажи Ире, чтобы положила трубку. Мне совсем некогда, самолет через два часа.

И Блинков-младший пошел осчастливливать Ивана Сергеевича, который еще знать не знал, что ему вдобавок к собственной дочке сдадут еще и сына друзей.

Вообще-то ничего необычного в этом не было. Полковник сам сколько раз сдавал Блинковым свою Ирку, и все к этому привыкли. В свое время он и мама Блинкова-младшего почти одновременно получили у себя в контрразведке квартиры и оказались соседями по двору. Блинковы в первом корпусе, Кузины во втором — очень удобно для обмена детьми, и вещи перетаскивать не надо.

Иван Сергеевич жил вдвоем с Ирккой, без жены, и часто заходил к Блинковым, чтобы, как он говорил, погреться у домашнего очага. Хотя на самом деле футбол смотрел по телевизору. Он просто не

Блин — секретный агент

представлял себе, что кто-то может не смотреть футбол. Он говорил: «А я шел мимо и думаю: сегодня же «Трактор» с «Нефтяником», они, как дохлые мухи, ползать будут. Дай, думаю, зайду, а то Олегу страх как скучно смотреть одному». И старший Блинков из вежливости садился с Иваном Сергеевичем смотреть, как ползают «Трактор» с «Нефтяником».

По дороге Блинков-младший придумывал какое-нибудь язвительное замечание для Ирки, которая часами могла висеть на телефоне. Но идти было недалеко, и ничего остроумнее, чем: «Опять треплешься?» — он выдумать не успел. Так и сказал, когда дверь стала открываться:

— Опять треплешься?

— Да мне по службе надо было. Я больше не буду, — виновато сказал полковник, потому что это был он. И еще стал, как смущенная первоклассница, возить по полу носком домашней тапки сорок пятого размера.

Блинков-младший покраснел, а Иван Сергеевич расхохотался и втащил его в прихожую, приговаривая:

— Не через порог, не через порог!

Они пожали друг другу руки, и полковник потащил его дальше, на кухню. Там у мойки стояла Ирка и чистила селедку.

— Могла бы и сама открыть, — заметил ей Блинков-младший.

Ирка вместо ответа показала перепачканные селедкой руки. Язык она тоже просто не могла не показать. Потому что Иван Сергеевич воспитывал доч-

ку один и сам с удовольствием признавал, что она растет бандиткой.

Тем временем полковник взял со стола телефонную трубку и закончил разговор, прерванный из-за Блинкова-младшего:

— Собственно, мы все уже решили. Завтра между девятью и девятью двенадцатью вы скапливаетесь в банке. В штатской одежде, естественно. А в девять тринадцать я приезжаю, как положено, в форме и с мигалками, и мы их берем... Есть! — И он решительно швырнул трубку на рычаги.

— Позвоните маме, — сказал Блинков-младший. — Она улетает в командировку, а меня хочет сдать вам.

У полковника стало такое траурное лицо, как будто ему не подростка навязывают, а цыганский табор с лошадьми и медведями.

— Пап, сдали бы вы нас в поликлинику для опытов и не мучились, — предложила Ирка и захихикала, отвернувшись к мойке. — Ой, я не могу с вами, господа офицеры! Ты скажи Митьке, скажи!

— Вообще-то я собирался в Петербург, — мрачно сообщил Иван Сергеевич и стал тыкать в кнопки телефона.

Блинкову-младшему можно было не объяснять, кому в таком случае он собирался сдать Ирку.

С мамой полковник разговаривал по-военному отрывисто.

— Оля? Что там у тебя?.. Когда?.. Что ты говоришь?! Надолго?.. Конечно!.. Устрою, не сомневайся!.. Прослежу!.. Десять минут у нас есть?.. Да я сам тебя отвезу. Сейчас буду. Есть!

Блин — секретный агент

После такого решительного разговора полковник, не кладя трубку, позвонил какому-то Николаю и начал с того, что спросил о здоровье его деревенской бабушки.

Блинков-младший с Ирккой переглянулись. Разговор был явно не ко времени. А полковник затеял пространную беседу о хворях старушек вообще и бабушки Николая в частности.

— Значит, говоришь, иногда так спину ломит, что она и подняться не может? Так прямо и лежит пластом?.. Да, ты прав. Пластом — это слишком. Если пластом, то почему в больницу не ложится? Но ходить за хлебом ей, конечно, очень трудно. Просто невозможно. Пять километров — это чересчур для такой ветхой старушенции! Пять до магазина, пять обратно — да она у тебя просто на части развалится. Ну, ничего, Николай, не расстраивайся. Развалится — соберем. Пришлем ей в деревню парочку специалистов по сборке развалившихся старушек... Нет, двоих. Еще Ольгиного сына. Ольги Борисовны, из контрразведки. Ты ее должен помнить... Ну, в дачном поселке, когда они решили, что мы террористы, и чуть не открыли огонь.

Тут специалисты по сборке развалившихся старушек наконец сообразили, что речь идет о них. И о том, что Иван Сергеевич собирается сослать их в деревню, где за хлебом надо ходить пять километров. Видно, тот еще очаг культуры эта деревня.

Ирка в сердцах так швырнула селедку, что та, скользя по изгибу кухонной мойки, выскочила на пол.

Подбери — движением брови приказал Иван Сергеевич. У него эти игры в капризную принцессу не проходили. Блинкову-младшему жаль стало Ирку. Он вернул прыгучую сельдь на место и шепнул:

— Ничего, Ир, вдвоем не так скучно. В лес ходить будем...

— ... А по вечерам ты станешь плести лапти, а я прясть при лучине, — продолжила эта ехидина. — Размечтался! Да я сроду не жила в деревне и не собираюсь! Там, наверное, ничего нет! Ванной нет! Телика нет!.. — Она сделала трагическую паузу и закончила голосом человека, приговоренного к расстрелу тупыми пулями: — ТАМ, НАВЕРНОЕ, И ТЕЛЕФОНА НЕТ!!!

— Тише, болтуны, — шикнул на них Иван Сергеевич. А телефонному Николаю сказал:

— Сейчас и подъезжай, чего тянуть? Нет, до субботы не терпит. Завтра днем я уезжаю. Есть! Ой, погоди, нет! Я повезу Ольгу в аэропорт, вернусь часа через два. Если подъедешь раньше, меня не дожидайся. Забери ребят и езжай, у вас дорога долгая. Теперь есть!

Блинков-младший не первый раз заметил, что, когда полковник говорит на прощание своим сослуживцам: «Есть!» — это у него звучит как: «Выполняйте!» А «Есть!», сказанное друзьям, означает: «Всего вам доброго, извините, если что не так».

— Задача ясна? — спросил полковник, положив трубку.

— А как же! Старушку по частям собирать, если развалится, — отапортовала Ирка. — Пап, у тебя совесть есть? Мы, что ли, декабристы, чтобы нас в деревню ссылать?

Блин — секретный агент

— Можешь взять с собой тетрадку и записывать все, что обо мне думаешь. Я прочту, обещаю, — отрезал Иван Сергеевич. — Мы с Николаем хотели тебя попросить, — приказным тоном продолжал он, — чтоб ты помогла его бабушке. Она совсем старенькая. В деревне одной тяжело, а в город она переезжать не хочет. Осенью-то, конечно, переедет, как начнутся холода. А пока вы поживете у нее на парном молоке, ночевать будете на свежескошенном сене. — Теперь голос у полковника стал завлекающим и ласковым, как будто он читал на ночь сказку кому-то малолетнему. — Вы будете абсолютно самостоятельны. Ну и поможете немного. Пойдете в магазин для себя и заодно бабке хлеба возьмете.

— А Митька без меня не может помочь бабке на парном молоке? — осведомилась вредная Ирка.

— Не может! В хозяйстве нужен женский глаз, — отрезал полковник. — Поставь картошку вариться в мундирах и собирай вещи. Николай будет через час. Если успеете, поешьте. А так, выгребай из холодильника что найдешь. В деревне все пригодится. Мы с Митькой пошли, ему тоже собраться надо.

Лицо у полковника было строгое, как будто он командовал строем бойцов. И с этим строгим лицом он поцеловал готовую разреветься Ирку и сказал:

— Ирина, это не моя родительская блажь, так действительно нужно. Ты мне очень поможешь.

И они с Блинковым-младшим ушли не оборачиваясь. Потому что, если обернуться, Ирка бы точно разревелась, а на утешения времени у них не было.

— Деньги возьми все, какие там есть! — крикнул ей из прихожей полковник. — У меня завтра получка.

Блинков-младший подумал, что его строгая мама — просто олененок Бэмби по сравнению с Иваном Сергеевичем.

ГЛАВА 2

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ «ОЛЕНЕНКА БЭМБИ»

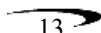
Каждому офицеру положено иметь чемодан с заранее уложенными вещами. Офицер служит, растит детей, ходит в кино и в булочную, отмечает дни рождения, а чемодан стоит где-нибудь в шкафу и терпеливо ждет. Если поступит приказ, офицер возьмет его и, не теряя ни минуты, уедет по тревоге. Этот чемодан так и называют — тревожным.

Разумеется, у мамы был тревожный чемодан, поэтому ее сборы состояли в том, что она выложила оттуда ненужный в дальней командировке план Москвы, закрыла все окна в квартире и повыдергивала все вилки из розеток.

Блинков-младший и полковник застали ее за телефонным разговором. Доносчица Ирка позвонила, пока они шли через двор, и выложила все, что не стал говорить по телефону ее папа.

— Ну и ничего страшного, — начал оправдываться Иван Сергеевич, поняв, с кем разговаривала мама. — Николай мне не чужой, я его от сержанта до офицера вырастил. И бабуля его надежнейший человек. Бабушки вообще воспитывают детей лучше, чем родители, потому что им больше делать нечего.

Мама на каждое слово согласно кивала. Ей некуда было деваться: командировку отменять поздно.

Блин — секретный агент

— И Митькиному кролику в деревне будет хорошо, — привел последний аргумент полковник.

— Ну, разве что кролику, — вздохнула мама и сказала, не глядя на единственного сына:

— Митек, я там уложила тебе папин рюкзак. Пойди, проверь, — может, что-нибудь забыла.

Понятно: отсылают с глаз долой, чтобы не мешал разговаривать. Блинков-младший поплелся к себе, а полковник с мамой остались шептаться.

Кролик жил на подоконнике, в цветочном ящике с землей. Он сам выбрал это место, собственно-лапно вырыл себе нору и умел вскакивать с пола на стул, со стула в ящик. А так был редкостный дурак: не понимал, когда его хвалят, когда ругают, а когда обедать зовут. Блинков-младший любил его, потому что спас кролика от собаки, а люди обычно хорошо относятся к тем, кому сделали добро.

Он разыскал старую корзинку и постелил в нее свое детское одеяльце. Разговаривать с кроликом было неинтересно, поэтому Блинков-младший молча вытащил его из норы, пересадил в корзину и сунул ему недоеденную кочерыжку. А потом решил пересчитать уставный капитал своего банка, хотя и так прекрасно знал, что у него двести тридцать четыре доллара, в том числе один металлический и два — мелочью. Это был результат полутора лет строжайшей экономии и мелких коммерческих сделок. Было бы опрометчиво оставлять такую сумму в пустой квартире, когда в стране разгул преступности.

Блинков-младший переложил старый папин бумажник с уставным капиталом в рюкзак, побро-

сал туда несколько книг и вышел в коридор. Голоса мамы и полковника доносились из кухни.

— Я прошу тебя приглядеть за сыном, а ты съешь его в оперативное мероприятие! Ванечка, ты с ума сошел! — ужасалась мама.

Иван Сергеевич убежденно бубнил в ответ:

— Оля, у наших с тобой служб разная специфика. В налоговой полиции главная опасность — когда мы приходим, а бухгалтер неучтенные деньги выбрасывает в мусорную корзину. Неужели ты считаешь меня таким служакой и сухарем, что я способен ради успеха операции подставить Митьку и собственную дочь?! Ничего с ними не случится. При малейшей опасности наш человек выведет их из игры и прикроет всеми способами, вплоть до огня на поражение!

— Ага, значит, ты все-таки допускаешь, что потребуется применить оружие?! — ухватила самую суть мама.

И тут, на самом интересном месте, под ногой Блинкова-младшего скрипнула паркетина. Мама, конечно, услышала.

— Митек, ты собрался? — крикнула она. — Возьми еще что-нибудь развлекательное, а то вы надолго уезжаете. Папин диктофон возьми вместо плеера.

— Я лучше еще в комнате посижу, а вы договаривайте, — буркнул Блинков-младший и вернулся к себе.

Вот так всегда. Сослать человека в деревню, отравить ему последние недели каникул — это у них запросто. А поделиться тайной, которая, быть может, прямо касается этого человека, — ни за какие коврижки!.. Взять, что ли, диктофон?